

О некоторых аспектах антропоцентрических исследований языка

*Брицын В.М. *, Казиминова И.А. **, Коляденко Е.А. ***

**Институт языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины, Киев (Украина)*

***Институт украинского языка НАН Украины, Киев (Украина)*

В данной статье представлены некоторые направления антропоцентрических исследований языка, связанные с описанием языковой репрезентации ментальных процессов, физических действий, интенций человека, вербализацией его чувств, ощущений и эмоций, а также с когнитивной интерпретацией отдельных синтаксических категорий. Отмечено, что основными проявлениями языкового феномена являются язык в его сауссуровском понимании; результаты научного осмысления языка, представленные в словарях и грамматиках; языковой материал, т.е. результаты речевой деятельности, или готовый продукт. Кроме того, важными составляющими, раскрывающими феномен языка, выступают речевая деятельность говорящего, а также психологические процессы, предшествующие ей; эти аспекты представляют проявления языка как деятельности.

Цель исследования — показать особенности антропоцентрического подхода к изучению явлений языка, в частности, языковой репрезентации чувственного опыта человека с помощью сопоставления наивной и научной картин мира, а также когнитивного анализа отдельных синтаксических категорий.

Материал и методы. Материал — толковые словари украинского языка и словари психологических терминов, данные свободного ассоциативного эксперимента, а также художественные тексты. Используются методы лингвоконцептуального анализа, экспериментальный, метод количественных подсчетов, а также фреймовое и пропозиционно-фреймовое моделирование.

Результаты и их обсуждение. Особенности концептуализации эмоции страха в наивной и научной картинах мира рассмотрены на терминологическом и общеязыковом материале. В наивной и научной языковых картинах мира исследуемый эмоциональный концепт представлен соответственно лексемой «страх» и термином «страх», полифункциональность которого иллюстрирует зону пересечения бытовых и научных знаний. Анализ фреймовой структуры понятийного компонента научного концепта, осуществляемый авторами по данным словарей психологических терминов, его сопоставление с фреймовой структурой наивного коррелята позволили выделить участки, на которых происходит приращение смыслов, свидетельствующее о более глубокой степени осмысления соответствующего феномена эмоционального бытия. Доказана плодотворность антропоцентрического подхода к раскрытию основных категорий предложения, а также мысли, что наиболее адекватно эти категории можно описать, опираясь на конкретную речевую деятельность.

Заключение. Предложенная методика анализа открывает новые возможности изучения эмоциональных концептов, в частности в области различных лингвокультур, что обусловлено общей тенденцией в современном языкознании к раскрытию механизмов репрезентации внутреннего мира в лексической семантике языка. Антропоцентрические подходы к описанию языка актуализируют также вопросы методологии научного исследования синтаксических категорий и связанные с ними вопросы терминологических обозначений указанных явлений.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, аспект языка, когнитивная лингвистика, концепт, концептуальная картина мира, категория модальности, категория предикативности, речевая деятельность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 174–179)

Some Aspects of Anthropocentric Studies of the Language

*Britsyn V.M. *, Kazimirova I.A. **, Koliadenko E.A. ***

**A.A. Potebnia Institute of Linguistics of NAS of Ukraine*

***Ukrainian Language Institute of NAS of Ukraine, Kiev (Ukraine)*

The paper focuses on some aspects of anthropocentric studies dedicated to language representation of mental processes, physic actions, human intention; the verbalization of feelings and emotions; cognitive interpretation of some syntactic categories. It is noted that the main manifestation of the linguistic phenomenon is the language as it is in Saussure's

Адрес для корреспонденции: e-mail: kazymyrovai@gmail.com — И.А. Казиминова

conception; the results of scientific understanding of language presented in dictionaries and grammars; language material, i.e. the results of speech activity, or the finished product. It is also admitted, that speech activities of the speaker as well as the psychological processes that precede it are the important components that explain language phenomenon; these aspects represent manifestations of language as an activity.

The aim of the paper is to approve anthropocentric approach to language studies, particularly to language representation of feelings in naive and scientific world image; to the researches devoted to syntactic categories.

Material and methods. The study is based on Ukrainian dictionaries and psychological dictionaries, the results of free associative experiment, scientific and literary texts. Linguistic and conceptual analysis, psycholinguistic experiment, quantitative estimation, frame modeling were used.

Findings and their discussion. The features of the emotion of fear conceptualization by scientific and naive consciousness, the semantic peculiarities of lexical means which serve to verbalize it are studied on the present-day Ukrainian commonly-used and scientific language material. The naive and scientific concept is represented in the Ukrainian language by the lexeme *empax* (fear). Its polyfunctionality illustrates the domain where the naive and scientific knowledge are blended. According to the comparative analysis of the scientific and naive concept frame structure the slots where the new senses were added are determined. They show deeper degree of understanding of the emotion by scientist but at the same time its close connection with the physical (prescientific / naive) experience. It is proved that anthropocentric approach has a great potency in main categories of sentence study; such kind of researches should be based on concrete speech activity.

Conclusion. The method of the analysis opens up new possibilities in study of other emotional concepts, in particular in various lingual cultures, which is conditioned by the general tendency in modern linguistics to the mechanisms of representation of the inner world in the lexical semantics of language study. Anthropocentric approach to language study actualizes such issues as methodology of scientific researches of syntax categories and terminological designation of the mentioned phenomena connected with it.

Key words: anthropocentric paradigm, aspects of language, cognitive linguistics, concept, conceptual world image, modality category, predicativity category, speech activity.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 174–179)

Аktivизация и развитие антропоцентрических подходов к описанию языка все отчетливее обнаруживают их плодотворность не только для осознания духовной составляющей человеческого бытия – антропоцентризм выступает источником и для познания механизмов развития и системной самоорганизации самого языка. В связи с этим несомненный интерес представляет изучение корреляции ключевых направлений лингвистического антропоцентризма с аспектами языка, выступающими источником материала для проведения исследований. К числу таких основных аспектов (ракурсов, проявлений) языкового феномена можно отнести язык в его сосюрсовском понимании, результаты научного осмысления языка, представленные в словарях и грамматиках, выделяемый Л.В. Щербой языковой материал, являющий собой «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [1, с. 26]. Эти аспекты в большей или меньшей степени относятся к тому, что А.А. Потенция называл результатами речевой деятельности, или готовым продуктом. Кроме того, важными составляющими, раскрывающими феномен языка, выступают речевая деятельность говорящего, а также психологические процессы, предшествующие ей; подобные аспекты представляют проявления языка как деятельности.

Обращение к когнитивной лингвистике, которая наиболее отчетливо выражает антропоцентрическую парадигму описания языка, показывает наличие в ней двух основных направлений, различающихся как по характеру преследуемых целей, так и по применяемым процедурам анализа и по исследуемому языковому материалу. Это, с одной стороны, разнообразные направления, связанные с обобщенным описанием концептуальной картины мира социума, а с другой – подходы, ставящие своей целью изучение индивидуального восприятия действительности. Если в первом случае доминирует обращение к готовым продуктам языка, в том числе и закрепленным в словарях и грамматиках, то во втором случае безусловно превалируют данные индивидуальной речевой деятельности.

Несомненный приоритет и по количеству публикаций, и по детальности раскрытия проблем принадлежит направлению, ориентированному на описание общенациональных картин мира, отраженных в языковой системе. Как справедливо замечает В.А. Маслова, в них «уже сейчас просматриваются новые данные о содержательном устройстве человеческой ментальности, языкового сознания, бессознательного, поскольку познавательные структуры личности находятся в недрах ее психики, в сфере, объединяющей миф, религию, искусство и другие явления» [2, с. 11].

Особая детальность наблюдается в описании языковой репрезентации ментальных процессов, физических действий, интенций человека, вербализации его чувств, ощущений и эмоций. Это дает основание для прогнозов о появлении в ближайшее время обобщающих описаний макроконцепта «человек», а также работ сопоставительного плана.

Цель исследования – показать особенности антропоцентрического подхода к изучению явлений языка, в частности, языковой репрезентации чувственного опыта человека с помощью сопоставления наивной и научной картин мира, а также когнитивного анализа отдельных синтаксических категорий.

Материал и методы. Материалом послужили толковые словари украинского языка, словари психологических терминов, данные свободного ассоциативного эксперимента, а также художественные тексты. Использованы методы лингвоконцептуального анализа, экспериментальный, метод количественных подсчетов, а также фреймовое и пропозиционно-фреймовое моделирование.

Результаты и их обсуждение. Для анализа был избран один из базовых эмоциональных концептов – концепт «страх», особенности его ментально-языковой, а именно лексико-семантической, репрезентации в украинской наивной и научной картинах мира. Несмотря на то, что исследованию концептуализации эмоций посвящено немало научных трудов (например, работы А. Вежбицкой, З. Ковечеша, Н.А. Красавского, В.Ю. Апресян и многих других), основная их часть сосредоточена на поиске концептуальных межъязыковых различий, изучении особенностей отражения чувственного опыта в обыденном сознании носителей языка. В сопоставительном ключе концепт «страх» как компонент наивной и научной картин мира не был в достаточной степени изучен.

На терминологическом и общеязыковом материале рассмотрим особенности концептуализации эмоции страха в наивной и научной картинах мира. Материалом анализа послужили дефиниции лексемы *страх*, отобранные из толковых словарей украинского языка и словарей психологических терминов, около 1000 контекстов употребления базовых репрезентантов концепта – фразеологизмов, паремий, заговоров как средств объективации наивного концепта; монографий, научных статей по психологии, вербализирующих научный концепт; данные свободного ассоциативного эксперимента общим количеством 828 единиц.

Именем наивного концепта является слово *страх*. Доминанта и идентификатор лексико-се-

мантического поля, оно выделяется на фоне других вербализаторов концепта частотностью, синтаксической поливалентностью, полифункциональностью и полисемантической. По общеязыковым лексикографическим источникам, опираясь на анализ толкований лексемы *страх*, структурируем понятийный компонент концепта с помощью фрейма, поскольку именно он позволяет представить эмоциональный концепт в виде ситуации эмоционального реагирования. Во фрейме «страх» выделяем слоты «каузатор» (причина эмоционального состояния), «экспериментер» (субъект эмоционального реагирования), «внутреннее проявление» (субъективные ощущения), «внешнее проявление» (внешнее проявление эмоции), «оценка каузатора» (эмоционально-оценочное отношение к причине страха); «локализация» (место сосредоточения эмоционального состояния), «степень проявления» (интенсивность), а также таксономический слот «[эмоциональное] состояние-реакция» (ситуация в целом как комплекс ощущений, обусловленных чем-то), представленные в определениях лексемы *страх* таким набором сем: ‘*стан-реакція*’, ‘*душа*’, ‘*хвилювання*’, ‘*людина*’, ‘*сильний*’, ‘*чекання неприємного*’, ‘*чекання небажаного*’, ‘*передчуття небезпеки*’, ‘*невідомість*’, ‘*вираження на обличчі, в очах*’.

В научной языковой картине мира исследуемый эмоциональный концепт представлен термином *страх*, полифункциональность которого иллюстрирует зону пересечения бытовых и научных знаний. Лексема *страх* является одной из ключевых, базовых единиц терминосистемы психологии.

Анализ фреймовой структуры понятийного компонента научного концепта, осуществляемый нами по данным словарей психологических терминов, его сопоставление с фреймовой структурой наивного коррелята позволяет выделить участки, на которых происходит приращение смыслов, свидетельствующее о более глубокой степени осмысления соответствующего феномена эмоционального бытия. Так, научное понятие содержит дополнительные признаки, маркирующие следующие слоты и субслоты фрейма: «функции» (роль, предназначение страха); «продолжительность» (время, на протяжении которого экспериментер пребывает под воздействием страха), «влияние на сознание» (изменения в сознании экспериментера, обусловленные воздействием эмоции), «последствия» (результат переживаний), «негативная оценка эмоции», «положительная оценка эмоции страха», представленные в дефинициях семами: ‘*інтенсивний ~ сильний*,

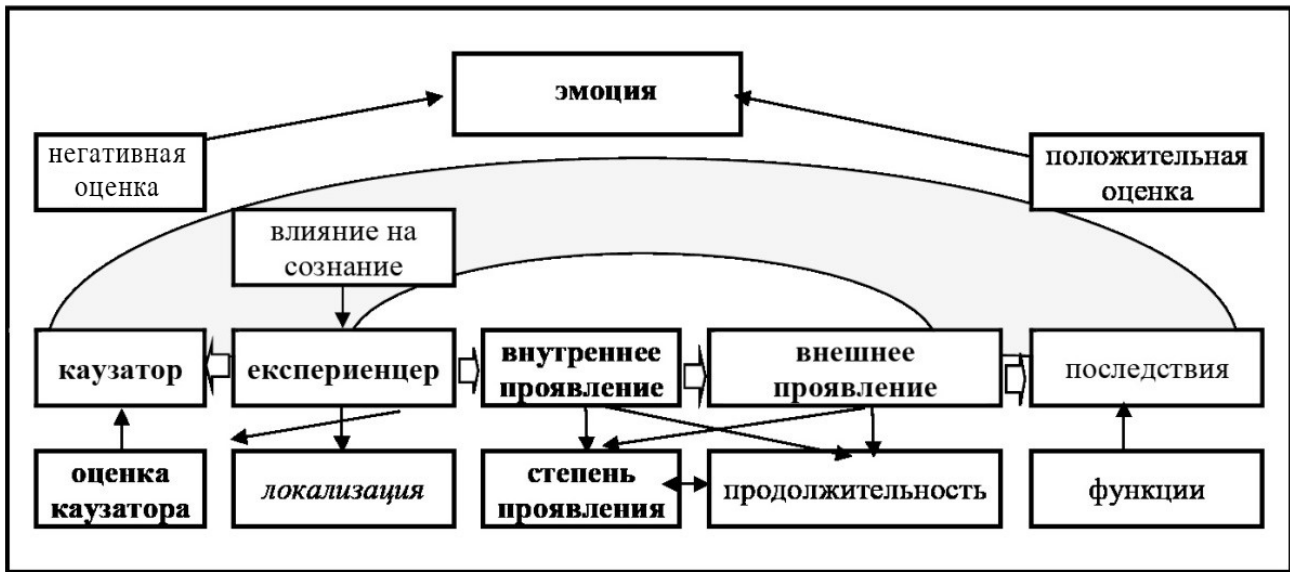

Рис. Фрейм-структура понятийного компонента наивного и научного концептов «страх»

помірний, слабкий' ("может набувати різної інтенсивності"); 'тривалий ~ короточасний, стійкий' ("короточасний чи стійкий"); 'невпевненість', 'неспокій', 'незахищеність', 'загрозу' ("людина відчуває непевненість, неспокій, незахищеність, загрозу"); 'засіб виховання' ("страх виступає як один із засобів виховання"); 'функція самозбереження' ("служить самозбереженню"); 'переростає в боягузливість' ("повторення емоції страху може перерости в боягузливість, нерішучість та інші негативні риси"); 'позбавляє можливості свідомо керувати своїми діями' ("страх позбавляє індивіда здатності свідомо керувати своїми діями"); 'позитивна оцінка', імпліцитно представлена через функцію самосохранения ("страх є невід'ємною складовою процесу життєдіяльності, виконуючи важливу захисну функцію").

Наложение фреймовых структур понятийного компонента наивного и научного концептов представлено на рис. Общие слоты обозначены полужирным шрифтом, а свойственные только наивному – курсивом.

Образный компонент наивного концепта наиболее полно представлен в украинской фразеологии, пословично-паремийном фонде и заговорах. Рассмотрим основные типы метафорических моделей – донорских сфер, которые привлекаются для структурирования одного концепта в терминах другого и участвуют в образовании различных языковых единиц, отражающих наивный образ страха. Наиболее продуктивными здесь являются такие донорские сферы: "болезнь" ("як лихоманка стрепелхнула"), "холод" ("у душі похололо"), "жар" ("як

на жаринах"), "сердцебиение" ("серце мре"), "перемещение внутренних органов" ("душа в п'яти тікає"), "повреждение внутренних органов" ("точити душу"), "дрожь" ("труситися мов у пропасниці"), "паралич" ("мов неживий"), "невесомость" ("не чути землі під ногами"), "искаженное восприятие действительности" ("боязливому і миша ведмідь"), "человек" ("страшків син"), "животное" ("боязливому страху у вічі лізе"), "фантастическое существо" ("я ж його [страх] осиковим колом забиваю"), "преграда" ("чуже добро страхом обгороджене"), "вода" ("я тебе [переполох] виливаю, я тебе викликаю – з голівоньки, із очей, із плечей, із рук, із ніг, із живота, із поперека!"), направление движения "вниз" ("душа в п'яти опустилася") и "назад" ("у хвості була душа зі страху").

По научным текстам можно описать основные метафорические модели, передающие через языковой знак собственно чувственно-предметный образ как элемент познавательной структуры научного концепта «страх». Анализ материала (более 500 контекстов употребления термина *страх* и его синонимов) свидетельствует о таких основных донорских сферах концептуальной метафоризации страха: "человек" ("страх ховається <...> і вичікує гарної нагоди, щоб з'явитися"); "людина переживає страх, який суперечить її думкам"); "животное" ("страх, який вільно ширяє"); "растение" ("феномен страху культивувався архаїчним суспільством"); "вода" ("джерело страху"); "огонь" ("спалах страху"); "преграда" ("вирватися з кола власних страхів"); "болезнь" ("коли страх (...) паралізує активність людини"); "предмет" ("гостра тривога").

Сопоставление метафорических моделей, участвующих в экспликации исследуемого эмоционального концепта в научном тексте, с теми, которые его представляют во фразеологии, обнаруживает существенные отличия между ними. Несмотря на то, что одной из наиболее продуктивных донорских когнитосфер как для наивного, так и для научного концепта является человек, в сознании ученого человек – прежде всего социальное существо, в то время как в сознании рядового носителя языка – биологическое. В научной картине мира страх содержит отрицательную и положительную оценки, выражаемые посредством образного представления эмоции в виде защитника и врага, в наивном же сознании страх – преимущественно враг. Как показал анализ, эмоция страха в сознании ученых, равно как и рядовых представителей лингвокультуры, тесно связана ассоциативными нитями с образами животного, растения, болезни, воды, огня, предметов, с которыми человек ежедневно контактирует. Следовательно, научный концепт, обозначаемый термином *страх*, сохраняет в большей степени донаучный опыт специалистов в области психологии, синтезирует наивные и научные знания.

Еще более интересные результаты дает применение методов и методик когнитивного анализа в изучении синтаксических категорий, обнаруживая необходимость детального обсуждения вопросов об исходных сферах языка. Антропоцентрическая парадигма в противоположность доминирующим сейчас лингвоцентрическим парадигмам, ориентированным на анализ готовых продуктов речевой деятельности, абстрагированных от непосредственной речевой деятельности, открывает перспективы для формирования грамматических обобщений, вытекающих из анализа речевой деятельности. Тем самым достигается большее приближение к самой природе основной единицы синтаксиса, которой является предложение. Ведь предложение как единица, которая не воссоздается, а создается, демонстрирует отчетливые черты речевого образования, противопоставленного, как это подробно обосновал В.А. Звегинцев, псевдопредложениям – единицам языкового уровня, абстрагированным от речи.

Изучение предложения именно в речи приводит к весьма неожиданным изменениям в трактовке многих центральных синтаксических категорий. Новое понимание синтаксических категорий, возникающее при анализе речевой деятельности, не является видоизменением этих категорий, сформированных на основе анализа языкового уровня. Наоборот, истолкование грамматических свойств

предложения в отрыве от его использования в непосредственной речевой деятельности приводит к их упрощению, потере многих характеристик, наблюдаемых только в речи.

Вывод о приоритетности анализа речевой деятельности для описания категорий предложения, который кардинально расходится с грамматической традицией, опирающейся на исходные постулаты Фердинанда де Соссюра, находит поддержку в трудах многих авторитетных лингвистов. В частности, нельзя не согласиться с точкой зрения А.С. Мельничука, который отмечал: «Говорить о языке и речи как о двух соотносительных аспектах общей языковой сферы нет оснований. Реально существует только язык как общая совокупность конкретных языковых проявлений, то есть процессов речевой деятельности, в которых используются различные компоненты языковой структуры» [3, с. 13]. Отводя основное место в истолковании феномена языка именно деятельностному (речевому) аспекту, ученый считает языковой уровень в соссюровском его понимании производным от речевого и даже говорит о важности обозначения этого уровня термином *система структурных компонентов языка*. Разграничение деятельностного (речевого), собственно языкового и психического уровней, или аспектов, языка приводит к осознанию необходимости точного терминологического обозначения данных явлений, на что, несомненно, языковеды должны обратить самое пристальное внимание.

Проиллюстрируем сказанное хотя бы на примере категорий модальности и предикативности, истолкование которых в рамках лингвоцентрической парадигмы изобилует многочисленными внутренними противоречиями. Например, весьма проблематично объединение в одну категорию категорий объективной и субъективной модальности, разграничение противопоставления реальности и ирреальности, противоречащим практике порождения предложений является истолкование сути категории субъективной модальности, наконец, рассмотрение предложения на языковом уровне приводит к фактическому «поглощению» категорией предикативности категории модальности [4].

На уровне речи категория модальности получает черты целостной категории, определяющей разновидность сообщаемой в предложении мысли: принадлежность ее к одному из разрядов перцептивного отражения (*чувствовать, видеть, слышать* и т.д.) или же к какому-либо ментальному разряду (*думать, полагать, предполагать, верить, знать, помнить* и т.д.). В предлагаемом понимании мо-

дальность весьма близка к тому, что Ш. Балли называл модусом и противопоставлял модусную информацию диктальной. Например, в стихотворении А.С. Пушкина «На холмах Грузии» происходит последовательное изменение модальности авторских мыслей, передаваемых предложениями в изъявительном наклонении. Эти изменения можно эксплицировать путем трансформации простых предложений в сложные, в которых диктальная информация оказывается сосредоточенной в придаточной части, вводимой союзом *что*: (*Я вижу, что*) *На холмах Грузии лежит ночная мгла; (я слышу, что) шумит Арагва подо мною. (Я чувствую, что) Мне грустно и легко; (я понимаю, что) печаль моя светла.*

Указанное понимание модальности вводит иные, чем это наблюдается в рамках традиционной категории модальности, противопоставления модальных типов. Вместо оппозиции объективной и субъективной модальностей и очень дискуссионного противопоставления модальностей реальности и ирреальности данные славянских языков показывают наличие в них двух основных модальных противопоставлений: модальностей центростремительных и модальностей центробежных.

Первый тип модальностей наблюдается в предложениях в изъявительном и сослагательном наклонениях, а также в части предложений в желательном наклонении. Им присуща общая черта – ориентированность на отражение и моделирование событий и свойств действительности, а также способность к трансформации в сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, вводимыми союзом *что*.

Центробежные модальности передают разнообразные волеизъявления говорящего. Они наблюдаются в предложениях в повелительном наклонении и в некоторых случаях в желательном наклонении. Для этого типа модальностей свойственна экспликация в виде сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными с союзом *чтобы*.

Будучи категорией внешней по отношению к диктальной части, категория модальности иногда характеризуется как категория внешнесинтаксическая [5, с. 49]. Это ее свойство выступает главной чертой в отграничении от категории предикативности, которая выражает принадлежность диктальной части и опирается в своих проявлениях на категории наклонения, времени и лица.

Шарль Балли дал довольно образное определение модальности, назвав эту категорию душой предложения. Однако за этой образностью скрывается глубокий смысл. Ведь извлечение предложения

из речи и рассмотрение его как абстрактного образца в большинстве случаев ведет к потере информации о конкретной когнитивной природе выраженной в предложении мысли говорящего. В результате в предложении остается лишь общее указание на тип модальности, предложение же теряет свою душу. Этот процесс можно проиллюстрировать такими трансформациями семантики, связанными с потерей на уровне языка говорящего с его ощущениями: *Я вижу, что на холмах Грузии лежит ночная мгла = Я вижу, что это есть – Это есть.*

Приведенный пунктирный набросок, конечно же, не преследует цели дать сколько-нибудь детальное описание категорий модальности и предикативности (см. подробнее: [4; 6; 7]), он в первую очередь направлен на обоснование плодотворности именно антропоцентрического подхода к раскрытию основных категорий предложения, а также мысли, что наиболее адекватно эти категории можно описать, опираясь на конкретную речевую деятельность.

Заключение. Предложенная методика анализа открывает новые возможности в исследовании других эмоциональных концептов, в частности в области различных лингвокультур, что обусловлено общей тенденцией в современном языкознании к раскрытию механизмов репрезентации внутреннего мира в лексической семантике языка. Антропоцентрические подходы к описанию языка актуализируют также вопросы методологии научного исследования и связанные с ними вопросы терминологических обозначений указанных явлений.

Литература

1. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
2. Маслова, В.А. Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре [Текст] / В.А. Маслова // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 6–11.
3. Мельничук, О.С. Мова як суспільне явище і як предмет сучасного мовознавства / О.С. Мельничук // Мовознавство. – 1997. – № 2–3. – С. 3–19.
4. Брицин, В.М. Когнітивні аспекти теорії модальності / В.М. Брицин, В.В. Мозгунов // Мовознавство. – 2013. – № 2–3. – С. 128–148.
5. Мельничук, О.С. Розвиток структури слов'янського речення / О.С. Мельничук. – К.: Наукова думка, 1966. – 324 с.
6. Брицин, В.М. Модальність і предикативність: лінії розмежування і протиставлення / В.М. Брицин // Мовознавство. – 2015. – № 2. – С. 77–85.
7. Брицын, В.М. Модальная организация лирики Марины Цветаевой / В.М. Брицын // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею профессора В.А. Масловой. – М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 69–77.

Поступила в редакцию 16.11.2018 г.